

Н.И. Сагарда

**Святого Григория Чудотворца,
епископа Неокессарийского:**

- а) К Филагрию о единосущии
б) К Татиану краткое слово о душе**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 12. С. 1491-1508.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, а) Къ Филагрію о единосущіи.

Въ Британскомъ Музеѣ сохранилась сирійская рукопись, точно датированная 569 годомъ: Cod. Nr. DCCXXX = add. 14597. 4. а. и b.; въ ней помѣщенъ переводъ двухъ произведеній, надписанныхъ именемъ св. Григорія Чудотворца: 1) *ἡ κατὰ μέρος πίστις* и 2) „Еще слово того же святаго Григорія Чудотворца къ Филагрію о единосущіи“¹⁾. P. de Lagarde въ 1858 г. опубликовалъ сирійскій текстъ обоихъ произведеній въ *Analecta Syriaca*, а V. Ryssel въ своемъ трудѣ о Григоріи Чудотворцѣ²⁾ далъ переводъ на нѣмецкій языкъ второго изъ нихъ, какъ совершенно еще неизвѣстнаго произведенія, снабдивъ изслѣдованіемъ объ его подлинности и характерѣ языка сирійскаго перевода. Риссель доказываетъ (S. 100—118), что трактатъ къ Филагрію о единосущіи а) не заключаетъ въ себѣ характерныхъ признаковъ позднѣйшаго времени, такъ какъ терминъ „единосущіе“ встрѣчается только въ надписаніи, которое, можетъ быть, позднѣйшаго происхожденія; б) по своему содержанію онъ отвѣчаетъ типу догматическаго ученія III вѣка: въ самой постановкѣ вопроса нѣтъ ничего такого, что не позволяло бы относить его къ III вѣку, и точка зрѣнія рѣшительно древняя, такъ какъ въ немъ ученіе о Св. Троицѣ ставится въ связь съ понятіемъ о домостроительствѣ; в) раскрытыя въ немъ тринитарныя

¹⁾ W. Wright, Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum, p. 650, col. 1.

²⁾ Gregorius Thaumaturgus. Sein Leben und seine Schriften. Nebst Uebersetzung zweier bisher unbekannter Schriften Gregors aus dem Syrischen. Leipzig 1880.

воззрѣнія въ существенномъ гармонируетъ съ тринитарнымъ ученіемъ Оригена и, такихъ образомъ, оправдываютъ надписаніе трактата, усвояющее его одушевленному ученику Оригена — св. Григорію, епископу Неокесарійскому; г) содержаніе трактата соотвѣтствуетъ тринитарнымъ воззрѣніямъ и способу выраженія самого св. Григорія Чудотворца. Что касается адресата произведенія, то Риссель, опираясь на свидѣтельство одного позднѣйшаго сирскаго писателя Аванасія Баладскаго († 587 г.), что Григорій Чудотворецъ писалъ противъ Порфірія, предложилъ читать вмѣсто „Къ Филагрію“ — „Къ Порфірію“.

Цѣлый рядъ ученыхъ, писавшихъ критическія замѣтки объ изслѣдованіи В. Рисселя, призналъ основательность его сужденій и выводовъ относительно подлинности трактата: находили, что строй мыслей трактата дѣйствительно соотвѣтствуетъ третьему вѣку, и что ничто въ немъ не указываетъ на эпоху аріанскихъ или христологическихъ споровъ и, слѣдовательно, ничто не говоритъ противъ принадлежности его Григорію Неокесарійскому; что подлинность доказана блистательно, и что послѣ опубликованія изданныхъ Рисселемъ сочиненій (разумѣется еще „Къ Θεοπομπῳ ὁ τοῦ, подлежить ли Богъ страданію или не подлежитъ“) Григорій становится осязательной величиной въ исторіи догматовъ ¹⁾.

Между тѣмъ обнаружилось нѣчто совершенно неожиданное: J. Dräseke въ слѣдующемъ (1881) году опубликовалъ свое открытіе, что трактатъ о единосущіи, который В. Риссель считалъ доселѣ совершенно неизвѣстнымъ, въ дѣйствительности давно печатается въ подлинномъ греческомъ текстѣ то какъ „Слово XLV“, то какъ 243 письмо св. Григорія Богослова Πρὸς Εὐάγριον μοναχὸν περὶ θεότητος ²⁾. В. Риссель въ отвѣтной статьѣ призналъ въ послѣднемъ оригиналъ сирійскаго переводнаго трактата, но рѣшительно отказался согласиться съ выводами J. Dräseke, что авторомъ трактата былъ

¹⁾ *Lechler H. V.* въ *Litterarisches Centralblatt*, 1880, Nr. 20, Sp. 641—643; *H. Holtzmann* въ *Deutsche Litteraturzeitung*, 1880, Nr. 11, Sp. 361. См. у проф. В. В. Болотова въ библиографической замѣткѣ въ „Христ. Чт.“, 1882, № 11—12; ср. *J. Dräseke* въ *Jahrb. f. prot. Theol.* 1881, S. 384 и въ „Der Brief an Diognetos, nebst Beiträgen zur Geschichte des Lebens und der Schriften des Gregorios von Neocaesarea“. Leipzig 1881, S. 206.

²⁾ Въ *Jahrb. f. protest. Theol.* 1881, S. 379—384. Der Brief an Diognetos, S. 200—287.

св. Григорій Богословъ, и, въ согласіи съ сирійскимъ рукописнымъ преданіемъ, продолжалъ настаивать на принадлежности его св. Григорію Неокесарійскому, указывая, съ одной стороны, на то, что и греческія рукописи обнаруживаютъ колебаніе относительно автора трактата и усваиваютъ его также Василию вел. и Григорію Нисскому, а съ другой стороны, на внутреннія основанія—разность стиля по сравненію съ подлинными твореніями Григорія Богослова и неопредѣленность догматическихъ выраженій, въ виду которыхъ принадлежность его Григорію Богослову оспаривалась и раньше (Petavius, Cotellierius, Tillemont etc.) ¹⁾.

Ј. Dräseke возразилъ обширнымъ изслѣдованіемъ: „Объ авторѣ произведенія *Πρὸς Εὐάγριον μοναχὸν περὶ θεότητος* ²⁾), въ которомъ доказывалъ, что внѣшнія свидѣтельства не даютъ принудительныхъ основаній къ тому, чтобы отрицать принадлежность его св. Григорію Богослову, а разсмотрѣніе внутреннихъ основаній убѣждаетъ, что авторомъ трактата былъ именно Григорій Богословъ. Dräseke настойчиво старается показать, что сравненія, употребленныя въ трактатѣ для нагляднаго представленія ученія о Св. Троицѣ, повторяются и въ другихъ произведеніяхъ Григорія Богослова, а ходъ мыслей въ немъ совершенно тождественъ съ расположеніемъ ихъ въ стихотвореніи Григорія Богослова „О Святомъ Духѣ“; кромѣ того, изложенное въ трактатѣ ученіе о Св. Духѣ, согласно съ исторіей послѣдовательнаго раскрытія его, указываетъ на предшествовавшую ему работу по этому вопросу каппадокійскихъ отцовъ. Съ другой стороны, Ј. Dräseke старается установить совершенное отсутствіе какого бы то ни было соприкосновенія между подлинными произведеніями Григорія Чудотворца и спорнымъ трактатомъ. Послѣдній, по мнѣнію Dräseke, написанъ св. Григоріемъ Богословомъ въ арианскомъ уединеніи послѣ 383 года; адресатомъ былъ другъ его—Евагріій Понтикъ, бывшій въ то время въ Египтѣ и, по свидѣтельству Сократа (Ц. И. III, 7), интересовавшійся вопросомъ о „простотѣ“ Божественнаго существа.

В. Риссель больше не возражалъ; но и рѣшительное убѣжденіе Ј. Dräseke въ принадлежности трактата св. Григорію Богослову не произвело желательнаго ему впечатлѣнія. Въ

¹⁾ Jahrb. f. protest. Theol. 1881, S. 565—573.

²⁾ Jahrb. f. protest. Theol. 1882, S. 343—384. 553—568.

1889 г. онъ издалъ свои „Gesammelten patristischen Untersuchungen“, гдѣ на стр. 103 — 168 напечатано въ „улучшенномъ“ видѣ его прежнее изслѣдованіе о разсматриваемомъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: „Gregorios von Nazianz“. „Совершенно иначе, чѣмъ восемь лѣтъ назадъ, звучалъ теперь приговоръ извѣстныхъ богослововъ, какъ Zöckler'a, V. Schultze, G. Krüger'a и Bonwetsch'a, и, что для меня, было особенно цѣнно, также выдающихся филологовъ, какъ Н. Geltzer'a и А. Engelbrecht'a; всѣ они согласились съ моимъ доказательствомъ и разсматривали подлинность произведенія *Πρὸς Εὐάγριον μοναχὸν περὶ θεότητος*, т. е. составленіе его Григоріемъ Назіанзиномъ, какъ убѣдительно доказанную“, — такъ J. Dräseke съ удовлетвореніемъ констатировалъ фактъ своей побѣды ¹⁾. Смутило его только одно обстоятельство, именно, что O. Zöckler, согласившійся раньше съ доказательствами J. Dräseke о принадлежности трактата св. Григорію Богослову, въ своемъ изслѣдованіи „Evagrius Pontikus. Seine Stellung in der altchristlichen Litteratur und Dogmenzeschichte“ (München 1893) снова поставилъ подъ вопросъ научный результатъ столь продолжительныхъ и усиленныхъ изысканій Дрезеке (S. 8). Эта неувѣренность O. Zöckler'a оказалась симптоматическою: выводы Дрезеке не нашли общаго приѣма, и многіе изслѣдователи продолжаютъ или высказываться неопредѣленно, или же явно склоняются къ признанію авторства св. Григорія Чудотворца. N. Bonwetsch ²⁾ опредѣленно заявляетъ, что онъ не убѣжденъ доводами Дрезеке и полагаетъ, что трактатъ болѣе подходит ко времени Григорія Чудотворца. Loofs ³⁾ не находитъ возможнымъ приписать трактатъ Григорію Богослову, хотя не рѣшается выступить и въ пользу авторства Григорія Чудотворца. O. Bardenhewer ⁴⁾ утверждаетъ, что разсматриваемое произведеніе возникло не раньше второй половины IV в. и не можетъ быть приписано Григорію Чудотворцу, но въ то же время высказываетъ колебаніе относительно того, принадлежитъ ли оно Назіанзину, или Нисскому, или даже другому автору. Ad. Harnack въ *Gesch. d. altchr. Lit.* (II, 2, S. 101)

¹⁾ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1894, S. 128—129.

²⁾ Въ Realencyklopädie v. Hauck³, Bd. VII, S. 158.

³⁾ Тамъ же, S. 144.

⁴⁾ Geschichte der altkirchlichen Litteratur, Bd. II. Freiburg in Br. 1903, S. 286.

признаетъ его подлиннымъ, находящимся въ тѣсномъ родствѣ съ трактатомъ „Къ Θεοπομπῳ“ и ни въ чемъ не обнаруживающимъ, что ему предшествовала аріанская борьба, — напротивъ, въ немъ Ad. Harnack видитъ философскія особенности Григорія Чудотворца; а въ послѣднемъ (четвертомъ) изданіи *Dogmengeschichte* (Bd. I, Tübingen 1909, S. 781) онъ говоритъ: „правда, подлинность приписываемаго ему (Григорію Чудотворцу) произведенія о единосущіи еще не рѣшена, однако перевѣсъ на сторонѣ вѣроятности“ (*überwiegend wahrscheinlich*). Такимъ образомъ, вопросъ объ авторѣ трактата о единосущіи до настоящаго времени остается по крайней мѣрѣ открытымъ, а это даетъ намъ основаніе называть его среди твореній св. Григорія Чудотворца съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ и между твореніями св. Григорія Богослова, пока новое детальное изслѣдованіе его не приведетъ къ опредѣленнымъ результатамъ.

Помѣщаемый переводъ сдѣланъ по греческому тексту трактата, напечатанному у Миня, въ XLVI томѣ, col. 110—1108 (между твореніями Григорія Нисскаго); при этомъ приняты во вниманіе переводы съ сирійскаго—нѣмецкій у В. Рисселя (S. 65 — 70) и латинскій у Питры (*Analecta Sacra*, t. IV, p. 360 — 363). Русскій переводъ напечатанъ въ изданіи твореній св. Григорія Богослова, сдѣданномъ при Московской Духовной Академіи (т. 4-й, стр. 185—190).

Заглавіе трактата оставлено то, какое ему дано въ рукописи сирійскаго перевода, гдѣ онъ усвоенъ св. Григорію Чудотворцу, чѣмъ, однако, не предрѣшается вопросъ о первоначальности этого надписанія.

Весьма дивлюсь и чрезвычайно поражаюсь твоею разсудительностью, какъ ты своими точными вопросами даешь поводъ къ такимъ умозрѣніямъ и столь важнымъ изысканіямъ, поставляя меня въ необходимость говорить и усиленно трудиться надъ доказательствами, именно, когда предлагаешь мнѣ настоятельные и полезные вопросы. Такимъ образомъ, для меня, съ очевидностью, получается совершенная необходимость, слѣдуя за твоими вопросами, давать на нихъ ясные отвѣты. И теперь, вотъ, предложенный тобою вопросъ былъ такого рода и такого содержанія: естество (которое иной правильно назвалъ бы

скорѣе сущностью, чѣмъ ествомъ) Отца и Сына и Святаго Духа—просто или сложно? Ибо если оно просто, то какъ оно можетъ допускать «три» — число названныхъ выше? Поелику простое—однородно и несчислимо; а то, что подпадаетъ числамъ, по необходимости разсѣкается, хотя бы оно и не было подвергнуто счисленію; разсѣкаемое же страдательно, ибо разсѣченіе есть страданіе. Поэтому, если ество Совершеннѣйшаго просто, то излишне назначеніе именъ; а если назначеніе именъ истинно, и должно довѣрять именамъ, то тотчасъ исчезаетъ однородность и простота. Итакъ, каково же ество [разсматриваемаго] предмета? Такъ ты говорилъ мнѣ.

Слово истины со всею точностью представить разъясненіе этихъ вопросовъ, не предлагая неразумно, по недостатку доказательствъ, призрака вѣры, которая не требуетъ доказательства, и не пытаюсь прикрывать шаткость своего убѣжденія свидѣтельствами древнихъ басень, но, взвѣсивъ результаты точнаго изслѣдованія и сдѣлавъ правильные выводы, ясно представить достовѣрность ученія.

Итакъ, да шествуетъ къ намъ отселѣ слово [истины] и пусть оно скажетъ намъ и то, какъ должно представлять себѣ Божество—простымъ или трехсоставнымъ? Ибо тройственность именъ заставляетъ насъ такъ именно и говорить и вѣровать, и, злоупотребивъ ими, нѣкоторые составили шаткія и совершенно пелѣпья ученія, полагая, что вмѣстѣ съ произнесеніемъ именъ и сущность терпитъ страданіе раздѣленія. Но, какъ самъ ты говоришь, мы должны оставить таковыхъ, нетвердо защищающихъ ученіе, составляющее ихъ собственное мнѣніе; мы же обратимъ свой умъ къ правильному усвоенію познанія. Итакъ, прежде всего установимъ, что есть Богъ, и такимъ образомъ послѣ этого тщательно займемся доказательствами.

Сущность Божія совершенно проста и недѣлима, по самому еству имѣя въ себѣ простоту и безгѣлность. Но, можетъ быть, противъ меня оказывается рѣчь о раздѣльности именъ, которая числомъ «три» уничтожаетъ однородность Совершеннѣйшаго? Такъ неужели ради однородности намъ необходимо избѣгать исповѣданія Отца и Сына и Святаго Духа? Да не будетъ! Ибо назначеніе именъ не повредитъ нераздѣльному единству Совершеннѣйшаго. Предметы умопостигаемые, хотя носятъ и міріады именъ (такъ какъ у каждаго народа они носятъ очень много именъ), однако чужды всякаго наименованія, потому что для предметовъ мысленныхъ

и безплотныхъ нѣтъ никакого собственнаго имени. Ибо какъ можно назвать собственнымъ именемъ то, что не подпадаетъ подъ наши взоры и совершенно не можетъ быть схвачено человѣческими чувствами? Но для точнаго уразумѣнія цѣлаго возьмемъ самую малую частицу умопостигаемаго—душу.

Душа называется именемъ женскаго рода, однако она чужда какого бы то ни было женскаго естества, будучи по своей сущности ни мужскаго, ни женскаго пола Подобнымъ образомъ и раждаемое отъ нея слово — Λόγος — хотя имѣетъ имя мужскаго рода, однако и оно, какъ мы говоримъ, чуждо мужской или женской тѣлесности. Если же самое послѣднее изъ умопостигаемаго, душа и слово, не обладаетъ собственнымъ именемъ, то какъ мы можемъ сказать, что первые умопостигаемые предметы и даже стоящіе выше всего умопостигаемаго называются собственными именами? Конечно, употребленіе именъ полезно, такъ какъ оно по необходимости приводитъ насъ къ мысли объ умопостигаемомъ; но нѣкоторые, полагая, что вмѣстѣ съ наименованіями грубымъ образомъ раздѣляется и самая сущность, предполагають въ своихъ мысляхъ во всѣхъ отношеніяхъ недостойное Божественнаго. Намъ же, разумѣющимъ истину, надлежитъ знать, что божественная и нераздѣльная сущность Совершеннѣйшаго недѣлима и однородна; но для пользы нашего душевнаго спасенія, какъ я сказалъ, и раздѣляется, повидимому, наименованіями, и подвергается необходимости дѣленія. Ибо какъ душа, которая сама является предметомъ умопостигаемымъ, порождаетъ множество безпредѣльныхъ мыслей, однако и не раздѣляется отъ того, что претерпѣваетъ процессъ мышленія, и никогда не оскудѣваетъ въ обиліи мыслей вслѣдствіе предшествовавшихъ въ ней мыслей, но скорѣе дѣлается богаче, чѣмъ бѣднѣе, и какъ это самое произнесенное и сдѣлавшееся общимъ для всѣхъ насъ слово неотдѣлимо отъ произнесшей его души, тѣмъ не менѣе въ то же время находится и въ душахъ слушающихъ, не отдѣляется отъ первой и обрѣтается въ послѣднихъ, и производитъ скорѣе единеніе, чѣмъ раздѣленіе ихъ душъ и нашихъ,—такъ и ты представляй со мною Сына никогда неотлучнымъ отъ Отца и опять отъ Сего послѣдняго — Духа Святаго, подобно тому, какъ мысль въ умѣ.

Ибо какъ между умомъ, мыслью и душею невозможно представить какого-нибудь дѣленія и сѣченія, такъ невозможно представить сѣченія или дѣленія между Святымъ Духомъ и

Спасителемъ и Отцемъ, вслѣдствіе того, какъ я сказалъ, что естество умопостигаемаго и божественнаго нераздѣльно. Или еще, какъ невозможно подобнымъ образомъ найти дѣленія между солнечнымъ кругомъ и лучомъ, вслѣдствіе безстрастности и безтѣлесности, простоты и нераздѣльности, — напротивъ, лучъ соединенъ съ кругомъ и, наоборотъ, кругъ, подобно роднику, потоками изливаетъ на все свои лучи, производя какъ бы наводненіе свѣта на насъ и вдругъ разливаясь моремъ по [всему] художественно устроенному міру, — такъ вотъ подобно какъ бы лучамъ Отца посланы къ намъ свѣтоносный Іисусъ и Духъ Святой. Ибо какъ лучи свѣта, по естеству имѣющіе нераздѣльное соотношеніе между собою, ни отъ свѣта не отлучаются, ни другъ отъ друга не отсѣкаются и до насъ ниспосылаютъ даръ свѣта, — такимъ же образомъ и Спаситель нашъ и Святой Духъ, два луча-близнеца Отца, и намъ подаютъ свѣтъ истины, и соединены съ Отцемъ.

И какъ случается, что изъ какого-нибудь воднаго источника, въ изобиліи дающаго подобную нектару воду, обильный потокъ и неудержимая струя во время теченія раздѣляются на двѣ рѣки, имѣя сначала одно теченіе изъ единого родника источника, а потомъ — двойное теченіе отъ образовавшихся рѣкъ, однако же въ своей сущности не претерпѣваетъ никакого ущерба отъ такого дѣленія (потому что хотя положеніемъ рѣкъ теченіе и раздѣляется, однако оно имѣетъ одно и то же качество влаги; ибо если и кажется, что каждая изъ названныхъ рѣкъ и отдѣляется большимъ разстояніемъ [одна отъ другой] и далеко отстоятъ отъ источника, однако, вслѣдствіе непрерывности потока, имѣетъ начало соединеннымъ съ первоисточникомъ), — подобнымъ образомъ и Богъ всяческихъ благъ, Властитель истины и Отецъ Спасителя, первая Вина жизни, Древо безсмертія, Источникъ присносущной жизни, ниспославшій къ намъ какъ бы двойной потокъ — умопостигаемый даръ Сына и Святаго Духа, и Самъ не потерпѣлъ какого-либо ущерба въ Своей сущности (ибо Онъ не подвергся какому-либо умаленію вслѣдствіе Ихъ пришествія къ намъ), и Они пришли къ намъ и тѣмъ не менѣе остались неотлучными отъ Отца. Ибо, какъ я сказалъ въ началѣ, естество Совершеннѣйшихъ нераздѣльно.

Весьма много, почтеннѣйшій, и больше, чѣмъ сказано, можно было бы найти для яснаго доказательства тѣснѣйшаго

единенія ¹⁾ Отца и Сына и Святаго Духа, какимъ именно образомъ должно представлять его. Но такъ какъ тебѣ и подобнымъ тебѣ легко и изъ немногаго познать весьма многое, то ради этого я призналъ справедливымъ на семъ прекратить рѣчь по этому вопросу.

¹⁾ Вмѣсто *ἐνόςσεως* въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читается *ἐρωτήσεως*, — тогда мысль передаютъ такъ: къ ясному изложенію самаго необходимаго вопроса объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ (русск. пер. Моск. Дух. Акад., т. 4, стр. 190).

б) Къ Татіану краткое слово о душѣ.

Небольшой трактатъ Λόγος κεφαλαιώδης περί ψυχῆς πρὸς Τατιανόν въ первый разъ изданъ былъ среди твореній св. Григорія Чудотворца Ger. Vossius'омъ ¹⁾, который не высказывалъ никакихъ сомнѣній въ его подлинности. Съ нимъ согласны были Беллярминъ и Фабрицій, — послѣдній предполагалъ, что адресатъ трактата Татіанъ—можетъ быть, братъ той Татіаны, о которой Оригенъ упоминаетъ въ своемъ произведеніи „О молитвѣ“. Но Gallandi не помѣстилъ его въ своемъ изданіи, какъ неподлинный, опираясь на *virī eruditissimi*: онъ находилъ, что по стилю это произведеніе сильно отличается отъ другихъ произведеній св. Григорія и принадлежитъ гораздо позднѣйшему времени ²⁾. Вслѣдъ за нимъ и Möhler ³⁾, принимая во вниманіе, что трактатъ „О душѣ“ составленъ по началамъ аристотелевской философіи, признавалъ его продуктомъ средневѣковой схоластики. Между тѣмъ въ 1858 г. P. de Lagarde опубликовалъ небольшой флагментъ въ три строки съ надписью: *S. Gregorii Thaumaturgi ex tractatu ad Gaianum* ⁴⁾. Отрывокъ взятъ изъ трактата „О душѣ“, гл. VI ⁵⁾. Оба манускрипта, въ которомъ найденъ этотъ флагментъ, датируются VIII вѣкомъ. Этимъ рѣшительно ниспровергалось мнѣніе объ очень позднемъ происхожденіи трактата.

¹⁾ Sancti Gregorii, episcopi Neocaesarensis, cognomento Thaumaturgi, opera omnia, quotquot in insignioribus, praecipue Romanis Bibliothecis reperiri potuerunt. Moguntiae 1604, p. 135-148.

²⁾ Bibliotheca veterum patrum antiquorumque scriptorum ecclesiasticorum. T. III. Venetiis 1728, p. XXVIII.

³⁾ Patrologie I, S. 653.

⁴⁾ *Analecta Syriaca*, p. 31 (сирійскій текстъ); тотъ же флагментъ напечатанъ Martin'омъ у Pitra, *Analecta Sacra* IV, 133 (сирійскій текстъ) и 386 (латинскій).

⁵⁾ Migne, P.G. X, 1144, а—в.

тата. Въ 1894 г. опубликованъ былъ ¹⁾ открытый въ сирійскомъ манускриптѣ VII вѣка, принадлежащемъ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, переводъ „Трактата о душѣ, составленнаго философами“. В. Риссель въ 1896 г. перевелъ его на нѣмецкій языкъ ²⁾. Оказалось, что вновь найденный трактатъ философовъ о душѣ представляетъ собою переводъ (съ нѣкоторыми отступленіями) извѣстнаго уже на греческомъ языкѣ трактата о душѣ, приписываемаго св. Григорію Чудотворцу. Сирійская рукопись не давала имени св. Григорія.

Въ томъ же 1896 г. J. Дрезеке, независимо отъ опубликованія Рисселемъ перевода сирійскаго трактата, напечаталъ небольшую замѣтку ³⁾, въ которой доказывалъ, что трактатъ Λόγος κεφαλαιώδης περί ψυχῆς πρὸς Τατιανόν принадлежитъ св. Григорію Чудотворцу, какъ это утверждалъ и В. Риссель еще въ 1880 г. Дрезеке обратилъ вниманіе на то, что преданіе относительно принадлежности трактата св. Григорію Чудотворцу не такъ безнадежно, какъ это казалось раньше, такъ какъ еще никто не обращалъ вниманія на то, что у Николая Мееонскаго (отъ половины XII вѣка) въ его Ἀνάπτυξις τῆς θεολογίας στοιχειώσεως Πρόχλου, въ отдѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о сущности души, находится ссылка на рассматриваемый трактатъ (V гл.), при чемъ авторомъ его называется „великій Григорій Чудотворецъ“. Это свидѣтельство Николая Мееонскаго, по мнѣнію Дрезеке, имѣетъ особенно важное значеніе, потому что все произведеніе Николая Мееонскаго, въ которомъ находится цитата изъ произведенія Григорія Чудотворца, на самомъ дѣлѣ является произведеніемъ Прокопія Газскаго (480—513 г.): Ἀντιρρήσεις εἰς τὰ Πρόχλου θεολογικὰ κεφάλαια, которое Николай Мееонскій буквально переписалъ и, снабдивъ незначительными прибавками, выдалъ за свое произведеніе. Такимъ образомъ, по мнѣнію Дрезеке, и цитата изъ трактата св. Григорія Чудотворца „О душѣ“ принадлежитъ Прокопію и, слѣдовательно, относится къ V вѣку, — въ такомъ случаѣ это свидѣтельство должно разрушить прежнія

¹⁾ Въ Catalogue of the Syriac Mss in the Convent of S. Catharine on Mount Sinai, London 1894 (Studia Sinaitica Nr. I), 19—26.

²⁾ Въ Rheinisches Museum für Philologie, N. F. B. XIX (1896), H. 1, S. 4—9.

³⁾ „Zu Gregorios Thaumaturgos“ въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1896, 1, S. 166—169.

сомнѣнія относительно подлинности Λόγος κεφαλαιώδης περί ψυχῆς πρὸς Τάτιανόν. Однако, въ своемъ утвержденіи относительно произведенія Николая Меѳонскаго Дрезеке остался въ одиночествѣ: честь Николая Меѳонскаго рѣшительно защищается ¹⁾,—значить, несомнѣнно только то, что цитата принадлежитъ XII вѣку; этимъ опредѣляется и ея значеніе: она можетъ только удостовѣрять, что въ рукописи, которою пользовался Николай Меѳонскій, трактатъ „О душѣ“ надписывался именемъ св. Григорія Чудотворца.

Что касается рукописнаго преданія, то въ этомъ отношеніи рукописи раздѣлились между св. Григоріемъ Чудотворцемъ и св. Максимомъ Исповѣдникомъ ²⁾; соотвѣтственно съ этимъ у Миня одинъ и тотъ же трактатъ напечатанъ дважды: въ X томѣ, col. 1138—1146, между твореніями св. Григорія, и въ XCI т., col. 354—362, среди твореній св. Максима (безъ предисловія и 4—5 параграфовъ IV гл.). Но св. Максиму Исповѣднику онъ не можетъ принадлежать, такъ какъ мало вѣроятно, чтобы трактатъ св. Максима уже въ VII вѣкѣ былъ переведенъ на сирійскій языкъ подъ анонимнымъ заглавіемъ и въ рукописи VII вѣка уже былъ снабженъ многочисленными и значительными глоссами.

Jul. Lebreton, на основаніи изученія рукописнаго матеріала, а также сопоставленія разсматриваемаго трактата съ произведеніемъ Немезія Эмесскаго „О природѣ чловѣка“, приходитъ къ тому заключенію, что онъ составленъ неизвѣстнымъ авторомъ между V и VII вѣками при пользованіи произведеніемъ Немезія и, можетъ быть, отрывка изъ трактата Григорія Чудотворца „О душѣ“,—онъ считаетъ вѣроятною принадлежность св. Григорію V и VI главъ нынѣшняго трактата. Этимъ изслѣдованіемъ Lebreton'a изслѣдованію вопроса объ авторѣ трактата „О душѣ“ дана строго-научная постановка, которая должна привести къ опредѣленнымъ результатамъ. Уже признается довольно вѣроятною принадлежность св. Григорію Чудотворцу двухъ главъ трактата, а далѣе необходимо выяснить, есть ли основаніе утверждать зависимость его отъ Немезія и отрицать цѣльность произведенія.

¹⁾ O. Bardenhewer, *Gesch. der altkirchl. Lit.* II, S. 284; cp. Stilgmayer: Die „Streitschrift des Prokopios von Gaza“ gegen den Neuplatoniker Proklos, Byzant. Zeitschrift, VIII (1899), S. 263—301.

²⁾ См. у Jul. Lebreton'a въ Bulletin de Litterature Ecclesiastique, 1906, 3, p. 73—83: Le traité de l'âme de S. Grégoire le Thaumaturge.

Если на эти вопросы послѣдуетъ отрицательный отвѣтъ, тогда не будетъ никакихъ основаній не признавать принадлежности всего произведенія св. Григорію Чудотворцу.

Переводъ трактата сдѣланъ по греческому тексту, напечатанному у Миня.

Ты просилъ меня, достопочтенный Татіанъ, прислать тебѣ разсужденіе о душѣ съ убѣдительными доказательствами по отдѣламъ, и ты желалъ, чтобы я сдѣлалъ это, не пользуясь свидѣтельствами Писаній. Конечно, этотъ способъ наученія [т. е. на основаніи Писаній] въ дѣйствительности есть и для желающихъ благочестно мудрствовать является истиннымъ, доказательнѣе всякаго человѣческаго разсужденія; но ты сказалъ, что ищешь этого не для собственнаго убѣжденія, такъ какъ ты уже наставленъ твердо придерживаться божественныхъ Писаній и преданій, и что мысль твоя не можетъ быть поколеблена изворотами человѣческихъ доводовъ, а для опроверженія мнѣній иначе мыслящихъ, которые не выносятъ того, чтобы ихъ убѣждали Писаніями, а стараются посредствомъ извѣстнаго рода искусства ниспровергать непривычныхъ къ такимъ разсужденіямъ. Эти соображенія склонили меня съ готовностью повиноваться этому твоему требованію, нисколько не утраиваясь тѣмъ, что я неопытенъ въ такого рода построеніи разсужденій, но ободряясь твоимъ благоволеніемъ ко мнѣ, ибо ты умѣешь то, что ты признаешь прекраснымъ, выставлать на общій судъ, а что, по твоему мнѣнію, хуже надлежащаго, того не замѣчать и скрывать, дѣлая то и другое по расположенію и дружбѣ ко мнѣ. Зная это, я со всѣмъ довѣріемъ взялся за изложеніе. Свое же разсужденіе я расположу, воспользовавшись тѣмъ порядкомъ и послѣдовательностью, какой именно примѣняли искусные въ этомъ для желающихъ научно что-либо изслѣдовать.

Итакъ, прежде всего я покажу, какою познавательною силою согласно своей природѣ можетъ быть постигнута душа; потомъ, чѣмъ доказывается ея существованіе; затѣмъ по порядку, сущность ли она или свойство; потомъ вслѣдъ за этимъ, она — тѣло, или безтѣлесна; далѣе, проста она, или сложна; затѣмъ еще, смертна или безсмертна; наконецъ, разумна или неразумна.

Ибо эти вопросы больше всего обыкновенно изслѣдуются

въ разсужденіи о душѣ, какъ главнѣйшіе и могущіе характеризовать ея особенности. Въ качествѣ доказательствъ для подтвержденія подлежащихъ изслѣдованію вопросовъ я воспользуюсь тѣми общеизвѣстными соображеніями, которыми обычно устанавливается достовѣрность предметовъ, находящихся у насъ подъ руками. Но ради краткости и пользы я воспользуюсь теперь только тѣми умозаключеніями, которыя настоятельно необходимы для доказательства того, что подлежитъ изслѣдованію, чтобы эти мысли, будучи ясными и удобно усвояемыми, доставили намъ совершенно готовыя средства для возраженія противникамъ. Итакъ, отселѣ начнемъ наше разсужденіе.

Какою способностью постигается душа?

I. Все существующее или познается чувствомъ, или постигается мышленіемъ. И то, что подлежитъ чувству, имѣть достаточное доказательство въ самомъ чувствѣ, ибо вмѣстѣ съ прикосновеніемъ оно создаетъ въ насъ и образъ подлежащаго предмета. Постигаемое же мышленіемъ познается не само въ себѣ, а въ своей энергіи. Поэтому душа, будучи непознаваемой сама въ себѣ, естественно должна познаваться изъ ея дѣйствій.

Существуетъ ли душа?

II. Наше тѣло, когда движется, то приводится въ движеніе или отвнѣ или извнутри. Что оно приводится въ движеніе не извнѣ, ясно изъ того, что оно движется и тогда, когда его не толкаютъ и не влекутъ, какъ это бываетъ съ неодушевленными тѣлами. И съ другой стороны, когда оно приводится въ движеніе извнутри, то движется не въ силу естественной необходимости, какъ огонь. Ибо послѣдній не перестаетъ двигаться, пока онъ есть огонь, подобно какъ и тѣло, сдѣлавшись мертвымъ, не движется, хотя и остается тѣломъ. Слѣдовательно, если тѣло не приводится въ движеніе извнѣ, подобно неодушевленнымъ предметамъ, и не движется въ силу физической необходимости, подобно огню, то ясно, что оно приводится въ движеніе душой, которая подаетъ ему и то, что оно живетъ. Итакъ, если доказано, что душа подаетъ жизнь нашему тѣлу, то должна существовать сама по себѣ и душа, познаваемая изъ ея дѣйствій.

Сущность ли душа?

III. Что душа—сущность, это доказывается такимъ образомъ: прежде всего тѣмъ, что опредѣленіе сущности по справедливости можетъ быть приложено и къ ней. Оно таково: сущность есть то, что будучи тождественнымъ и численно единымъ способно попеременно воспринимать противное. Что душа сама, не отступая отъ собственной природы, попеременно принимаетъ противное, это ясно всякому, ибо въ ней наблюдаются справедливость и неправда, мужество и трусость, умѣренность и распушенность, хотя они и противоположны. Поэтому, если свойство сущности быть способной попеременно воспринимать въ себя противоположное, и если доказано, что душа допускаетъ такое опредѣленіе, то, слѣдовательно, душа—сущность. Затѣмъ, такъ какъ тѣло—сущность, то необходимо, чтобы и душа также была сущностью, ибо невозможно, чтобы оживотворяемое было сущностью, а оживотворяющее было бы несущностью. Неужели кто-нибудь можетъ утверждать, что не-сущее есть причина сущаго; или еще, [только] безумецъ можетъ говорить, что то, что въ своемъ существованіи зависитъ отъ чего-либо и безъ чего оно не можетъ существовать, является причиной того, отъ чего оно зависитъ.

Безтѣлесна ли душа?

IV. Что въ нашемъ тѣлѣ есть душа, доказано выше; по-сему должно знать, какъ она существуетъ въ тѣлѣ. Если она расположена возлѣ тѣла, какъ камешекъ возлѣ камешка, то душа будетъ тѣломъ, но тѣло не будетъ одушевлено всецѣло, потому что она будетъ лежать [только] возлѣ нѣкоторой части его. Если же она смѣшана или слита, то душа была бы многочастной, а не простой, и лишилась бы свойственнаго душѣ понятія. Ибо многочастное можетъ быть раздѣлено и разрушено; а то, что можетъ быть разрушено, сложно; то, что сложно, имѣетъ троякое измѣреніе, а что имѣетъ три измѣренія, то тѣло. Тѣло же, будучи приложено къ тѣлу, увеличиваетъ объемъ; но душа, находясь въ тѣлѣ, не увеличиваетъ объема, но скорѣе оживотворяетъ. Слѣдовательно, душа не будетъ тѣломъ, но безтѣлесна.

Далѣе, если душа—тѣло, то она приводится въ движеніе или извнѣ, или изнутри; но она не приводится въ движеніе

ни извнѣ, такъ какъ ее не толкаютъ и не влекутъ, подобно неодушевленнѣмъ, ни движется извнутри, подобно одушевленнѣмъ; ибо нелѣпо говорить о душѣ души,—итакъ, она не тѣло, слѣдовательно, безтѣлесна.

И еще, если душа—тѣло, то она имѣетъ качества, доступныя чувствамъ, и питается, но она не питается, а если и питается, то питается не тѣлесно, какъ тѣло, а безтѣлесно, ибо питается словомъ. Поэтому она не имѣетъ и качествъ, которыя воспринимаются чувствами, потому что ни справедливости, ни мужества, ни подобнаго имъ нельзя видѣть, а это—качества души. Итакъ душа—не тѣло,—значить, она безтѣлесна.

Еще, такъ какъ всѣ тѣлесныя сущности раздѣляются на одушевленные и неодушевленные, то утверждающіе, что душа—тѣло, пусть скажутъ, должно ли называть ее одушевленнымъ или неодушевленнымъ тѣломъ.

Далѣе, если всякое тѣло имѣетъ и окраску, и количество и форму, а въ душѣ ничего такого не наблюдается, то, слѣдовательно, душа не тѣло.

Проста ли душа или сложна?

V. Что душа проста, обнаруживается изъ того, на основаніи чего преимущественно доказано, что она безтѣлесна. Ибо если она—не тѣло, всякое же тѣло сложно, а что сложно, то составляется изъ частей,—слѣдовательно, она не будетъ и многочастной. Будучи безтѣлесной, она проста, потому именно, что она несложна и не состоитъ изъ частей.

Безсмертна ли наша душа?

VI. Послѣдовательно, думаю, простому надлежитъ быть безсмертнымъ; а какимъ образомъ,—выслушай. Среди существующаго нѣтъ ничего, что было бы разрушительнымъ само для себя,—впрочемъ, и отъ начала [такого] не существовало. Ибо то, что подвергается поврежденію, повреждается отъ противоположнаго; почему все, что подвергается поврежденію, можетъ быть разрушено; а что можетъ быть разрушено, то сложно, сложное же многоратно; но что составлено изъ частей, какъ извѣстно, составляется изъ различныхъ частей; различное же не тождественно. Итакъ, душа, будучи простою и несоставлен-

ною изъ различныхъ частей, несложною и неразрушимою, по этой причинѣ должна быть нетлѣнною и безсмертною.

Далѣе, все, что получаетъ движеніе отъ чего-либо и имѣетъ жизненную силу не отъ себя самого, а отъ того, что ее движетъ, то остается въ такомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока поддерживается дѣйствующею въ немъ силою; когда же дѣйствующее прекращаетъ свою дѣятельность, то перестаетъ и оно, такъ какъ отъ него оно имѣетъ движенію. Душа же, будучи самодвижущеюся, никогда не перестаетъ существовать. Ибо надлежитъ, чтобы самодвижущееся всегда было въ движеніи. А то, что всегда движется, не можетъ прекращаться; то же, что не прекращается, не имѣетъ конца; не имѣющее конца неразруσιμο, а неразруσιμοе безсмертно. Поэтому, если душа самодвижущаяся, какъ выше доказано, то, на основаніи сейчасть изложеннаго силлогизма, она будетъ неразрушимой и безсмертною.

Еще, все, что не повреждается собственнымъ зломъ, неразруσιμο; злое же противоположно нравственно прекрасному, поэтому и разрушительно для него. Ибо нѣтъ иного зла для тѣла, какъ страданіе, болѣзнь и смерть, равно какъ и [напротивъ] достоинство его—красота, жизнь, здоровье и благосостояніе. Посему, если душа не разрушается собственнымъ зломъ, зло же души—трусость, распущенность, зависть и подобное, но все это не отнимаетъ у нея силы жить и двигаться, то, слѣдовательно, она безсмертна.

Разумна ли наша душа?

VII. Что наша душа разумна, это можно было бы показать на основаніи многихъ данныхъ, и прежде всего на основаніи того, что она изобрѣла полезныя для жизни искусства. Вѣдь не просто и не случайно, какъ можетъ быть кто-нибудь скажетъ, появились искусства, такъ какъ нельзя доказать, что они празды и бесполезны для жизни. Поэтому, если искусство содѣйствуетъ тому, что полезно для жизни, а полезное похвально, похвальное же должно быть совершено разумомъ, а искусства—изобрѣтеніе души,—слѣдовательно, наша душа разумна.

Затѣмъ, что душа наша разумна, доказывается тѣмъ, что чувства наши недостаточны для постиженія вещей; ибо для знанія существующаго мы не довольствуемся однимъ прикос-

новеніемъ чувства. А когда мы не желаемъ останавливаться на этомъ, то чувство безъ помощи разума оказывается безсильнымъ различить то, что одинаково по формѣ, подобно по цвѣту и различно по природѣ. Поэтому, если чувства, будучи лишены содѣйствія разума, даютъ намъ ложное представленіе о существующемъ, то намъ нужно обсудить, можно ли на самомъ дѣлѣ постигнуть существующее или нѣтъ, и если можно постигнуть, то существуетъ ли другая сила, лучшая по сравненію съ чувствами, которая могла бы достигнуть этого. Если существующее не можетъ быть постигнуто, то у насъ не будетъ возможности [познать] то, что наблюдается нами иначе по сравненію съ тѣмъ, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Но что вещи могутъ быть постигнуты нами, это ясно изъ того, что мы употребляемъ ихъ въ свою пользу соотвѣтственно съ свойствами каждой и снова обращаемъ въ то, во что мы желаемъ. Поэтому, если доказано, что вещи могутъ быть постигнуты нами, а чувства, если они лишены помощи разума, даютъ о нихъ ложныя представленія, то это будетъ умъ, который все разумно взвѣшиваетъ и познаетъ все, какъ оно въ дѣйствительности существуетъ. Умъ же разумная часть души, — слѣдовательно, душа разумна.

Кромѣ того, мы ничего не дѣлаемъ, чего прежде не начертанъ сами себѣ, а это не иное что, какъ достоинство души, ибо знаніе существующаго не извнѣ приходитъ въ нее, но она сама какъ бы своими собственными примышленіями украшаетъ все существующее. Вслѣдствіе этого она въ самой себѣ предварительно живописуетъ вещь, и такимъ образомъ затѣмъ обнаруживаетъ ее на дѣлѣ. Достоинство же души заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы все дѣлать согласно съ разумомъ, — ибо этимъ она и отличается отъ чувствъ. Слѣдовательно, доказано, что душа разумна.

Н. Сагарда.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки